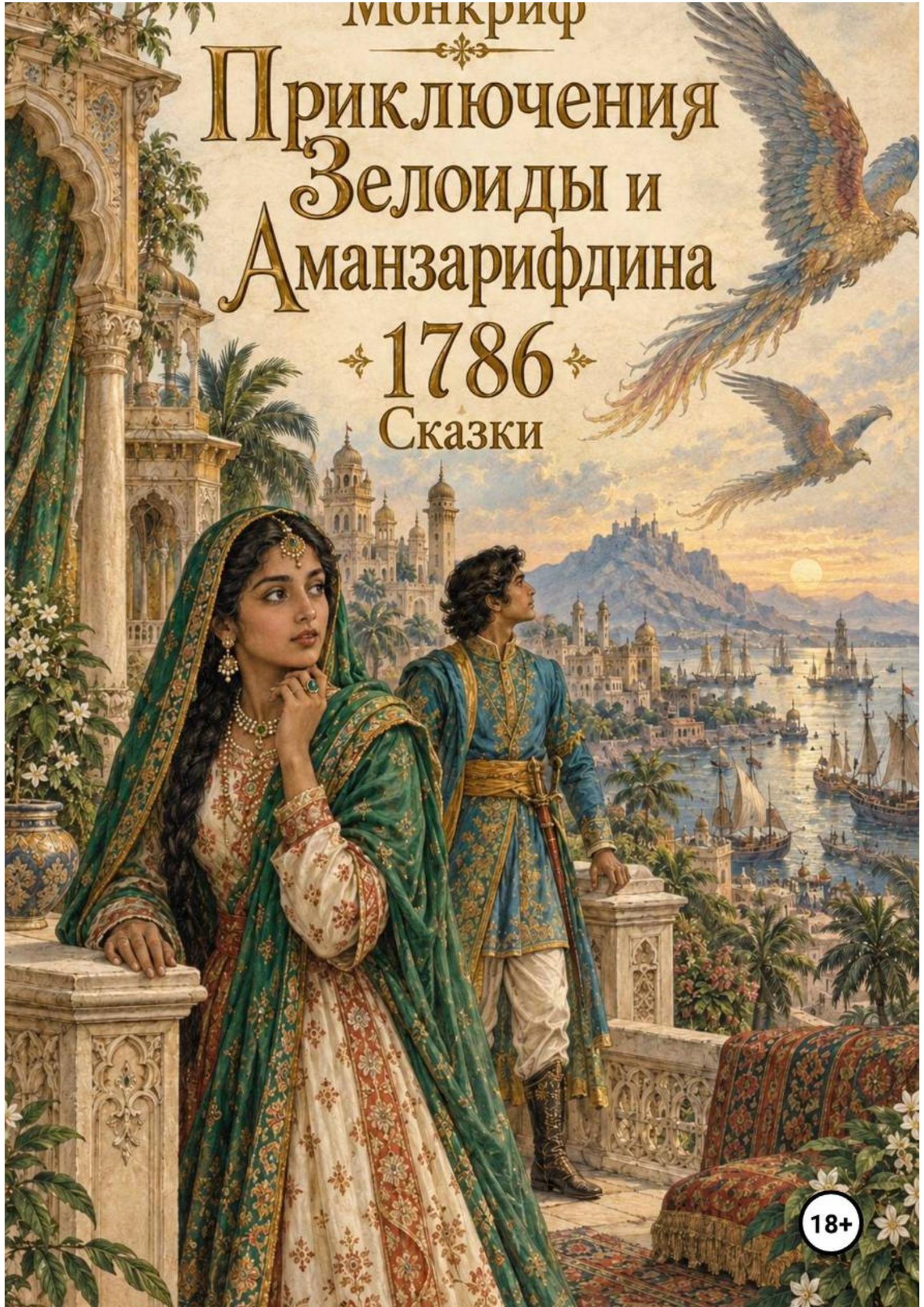

Монкриф

Приключения Зелоиды и Аманзарифдина

1786
Сказки

18+

Франсуа-Огюстен Паради де Монкриф

**Приключения Зелойды
и Аманзарифдина**

«Автор»

2026

Паради де Монкриф Ф.

Приключения Зелоиды и Аманзарифдина / Ф. Паради де
Монкриф — «Автор», 2026

Прежде чем выйти замуж, принцесса Зелоида должна оказать будущему супругу тысячу и одну милость. Но каждое её желание обращается бедой. Принц Аманзарифдин ищет её среди зачарованных дворцов, а встреченные ими герои рассказывают о любви, изменах и цене постоянства. Французская литературная сказка Монкрифа впервые вышла в 1715 году. Русский перевод подготовлен по редакции 1786 года, с сохранением рамочного повествования, вставных историй, писем и стихов. Издание предназначено для взрослого читателя. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© Паради де Монкриф Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
История принцессы Зелоиды	7
История Муталиба	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Франсуа-Огюстен Паради де Монкриф Приключения Зелоиды и Аманзарифдина

Предисловие к русскому изданию

В мире Монкрифа любовь умеет строить дворцы, лишать зрения, обманывать обличьями и испытывать разлукой. Но волшебство здесь не отменяет человеческих слабостей. За пышными праздниками и громкими клятвами обнаруживаются тщеславие, ревность, жажда удовольствий и страх потерять свободу. Героев занимает не только вопрос, как добиться взаимности, но и другой, куда менее удобный: можно ли требовать от чужого сердца того, чего не всегда способен потребовать от своего?

«Приключения Зелоиды и Аманзарифдина» Франсуа-Огюстена Паради де Монкрифа впервые вышли в Париже в 1715 году. Уже издание 1716 года вынесло в заглавие «Тысячу и одну милость» — условие, от которого зависит брак героини. Смысл этого условия раскрывается постепенно. Слово «милость» сохраняет в переводе ту двусмысленность, на которой построены и тревога персонажей, и развязка.

Настоящий перевод выполнен с французского по изданию в тридцать втором томе «Кабинета фэй», напечатанному в Женеве и Париже в 1786 году. Использован оцифрованный экземпляр Бостонской публичной библиотеки: текст Монкрифа занимает в нём страницы 321–473. Это полный авторский корпус данной редакции, сохраняемый в одном выпуске вместе с рамочным повествованием и зависимыми рассказами. Раннее посвящение, отсутствующее в выбранной редакции, не присоединено к ней; соседние произведения французского сборного тома в эту книгу не входят.

Повествование переходит из одной истории в другую, а затем возвращается к судьбе Зелоиды. Сохранены письма, разговоры о любви и постоянстве, стихотворная речь Дидоны, гимн и театральное представление Ночи, Аполлона и Сновидений. Стихи переведены нерифмованными строками с сохранением последовательности образов и реплик; французский размер и рифмовка не воспроизводятся. Четыре пояснения, принадлежащие оригиналу, отделены от редакционных примечаний.

Обозначение «индийские сказки» принадлежит историческому названию. Перед нами французская литературная сказка, а не перевод индийского фольклора. Её география соединяет настоящие названия с вымышленными державами, античными богами и прозрачными намёками на европейскую светскую жизнь. Рассуждения персонажей о женщинах, мужчинах, разных народах и рабстве сохранены как часть исторического текста, включая те суждения, которые сегодня звучат пристрастно или жестоко.

Книга адресована взрослому читателю. В ней есть похищения, принуждение, угрозы расправы, измены и любовные испытания очень юных героев. Эти эпизоды не превращены в детский пересказ; их не следует принимать за советы или одобрение поведения персонажей. Новые иллюстрации следуют событиям сказки, избегая натуралистического насилия и эротизации героев.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

В одной из прекраснейших областей Индии, в краю плодородном и благодатном, жил некогда король, могущественный обширностью и богатством своих владений, а также покровительством феи, избравшей их своим местопребыванием. Его столица стояла на морском берегу. Буря выбросила туда чужеземца по имени Аманзарифдин, и он пришёл искать в ней пристанища. Едва он ступил в гавань, как увидел шумное стечение народа. Одни рыдали, другие хранили угрюмое молчание, но все выражали глубокую скорбь.

Король шёл медленно, орошая слезами свой путь; рядом с ним была королева, на лице которой лежала та же печаль. Она опиралась на руку их дочери, принцессы; из прекрасных глаз девушки текли слёзы по щекам, соединявшим в себе самые нежные краски. Мало-помалу по всей площади разлилась глубокая тишина: все ждали какого-то великого события. Аманзарифдин приблизился к ним. Благородная осанка и великолепный наряд, хоть и приведённый в беспорядок недавним кораблекрушением, открывали ему дорогу сквозь толпу. Он уже подходил к королевской семье, когда в воздухе показались две огромные птицы. Они опустились возле принцессы, окутали её покрывалом, которое держали в когтях, и унесли на глазах у всех. Никто не попытался им воспротивиться; зато вновь раздались вопли скорби. Король закрыл глаза и позволил своим приближённым отвести его во дворец; королева, почти лишившись чувств, возвратилась в свои покои при поддержке придворных дам. Поражённый этим зрелищем, Аманзарифдин последовал за ними. Во дворце он встречал только заплаканные лица. Наконец он подошёл к даме, стоявшей в одиночестве, и попросил объяснить причину события, взволновавшего весь город. По его вопросу она поняла, что перед нею чужеземец, и согласилась на время отвлечься от слёз, чтобы удовлетворить его любопытство. Вот что она рассказала.

История принцессы Зелоиды

— Принцесса, которую только что похитили на ваших глазах, — наследница этого могущественного престола. Величие королей лишь делает их чувствительнее к ударам судьбы. Жестокий рок лишает короля и королеву возможности видеть любимую дочь на срок, которого они и сами не знают. Но я должна объяснить вам причину этой мучительной разлуки.

Когда родилась принцесса, король, следуя обычаю предков, пригласил во дворец гения и двух фей — единственных, кто жил тогда в его королевстве. Им предстояло разделить всеобщее веселье и наделить новорождённую теми достоинствами, которые подвластны их искусству.

Одну из фей звали Зоримана. Она горячо принимала к сердцу дела короля и часто приезжала ко двору: то обсудить с ним какое-нибудь решение, важное для государства, то просто насладиться знаками уважения, которыми её окружали. Ей были присущи все прелести юности; неизъяснимое очарование всех её поступков и склонность делать добро снискали ей всеобщую любовь. Другая фея, как и гений, была безобразна, дряхла и неприветлива. Оба находили тайное удовольствие в том, чтобы делать людей несчастными, и приобрели эту пагубную привычку.

Настал день, назначенный для празднества и предсказания судьбы принцессы. С восходом солнца начались игры, состязания в ловкости и силе. Дамы были великолепно одеты и ничего не упустили, чтобы показаться привлекательными. Кавалеры всеми средствами старались им понравиться; праздничная любезность нередко служила прикрытием тайных побед любви. После полудня одни удовольствия сменялись другими. Вечером всех созвала приятная музыка. Придворные дамы, рассеявшиеся на возвышениях, уступами поднимавшихся одно над другим, являли зрелище, достойное двора Венеры.

Столы уже были накрыты. Обеих фей и гения усадили подле короля, и всё время они делили с ним почести праздника. Когда пир завершился, Зоримана попросила у короля дозволения внести свою долю в радость, вызванную рождением принцессы.

— Вы знаете, — обратилась она к собравшимся, — что моё искусство отдаёт в мою власть не только все сокровища, скрытые в земле, но и все другие блага, способные осчастливить смертных: дарования ума и привлекательность облика. Я хочу поделиться с вами этими дарами, но раздавать их буду только кавалерам. Пусть каждый подойдёт ко мне с одной просьбой; клянусь честью феи исполнить её немедленно.

Сначала все вельможи стали совещаться между собой, о чём просить фею. Оказалось, что почти все желают одного и того же, и один из них заговорил от имени остальных.

— Могущественная фея, нам известно совершенство вашего искусства. По своей воле вы можете вознести смертного на вершину величия, осыпать его богатствами, дать ему власть даже над стихиями, наделить всеми достоинствами души и тела. Но, посоветовавшись, чего нам просить у вас, раз вы сами велите это сделать, мы почувствовали: очарование, которым вы пленяете взор и сердце, сильнее всех чар, доступных вашему искусству. Из всех благ, которые мы могли бы получить от вас, самым дорогим и счастливым показалось нам счастье вам понравиться. Так удостойте же, могущественная фея, одного из нас своим выбором — и ваше обещание будет исполнено.

— Я не ожидала такого бескорыстия, — отвечала фея. — Вы требуете от меня лишь самого малого дара, какой я могла бы вам предложить; и всё же именно он мешает мне сдерживать клятву: я не в силах выбрать среди стольких совершенных людей. Я дам вам больше, чем вы просите. Вот зелье, обладающее свойством поддерживать нежность. С его помощью вы сможете помешать возлюбленным красавицам стать вам неверными. Но, чтобы оно подей-

ствовало, к нему надобно присоединить те милые заботы и тонкие знаки внимания, в которых и заключается вся прелесть взаимной любви.

С этими словами она разделила драгоценное зелье между всеми кавалерами.

Старый гений последовал её примеру: пригласил дам обратиться к нему с просьбами и обещал их исполнить. Одни просили тайну вечной красоты; другие — возможность заводить любовные связи так, чтобы мужа никогда не узнавали о них и не мешали. Некоторые хотели соединить славу добродетельной женщины с самым вольным поведением. Одна упрашивала вернуть ей молодость, другая — даровать здоровье. Немногие попросили ума, а рассудительности не пожелала ни одна.

Старая фея тоже позвала кавалеров и предложила им помощь своего искусства. Каждый подошёл к ней отдельно и доверил своё желание; но во всех этих просьбах она не нашла ничего лестного для себя. Все говорили лишь о самих себе. Это внушило ей жестокую зависть к Зори-мане: ведь, несмотря на преклонный возраст и неприятную наружность, она считала себя прекраснее и милее самих граций.

Старый гений страдал тем же безумием. Его глубоко уязвило, что ни одна дама не покусилась на его сердце. И он, и старая фея стали ворчать и жаловаться; оба приняли мрачный, недовольный вид, выдававший их досаду. Король это заметил. Хотя он ничем не был повинен в причине их дурного настроения, он знал, как опасен их нрав, и дрожал при мысли, что дочь может пострадать. Он удвоил свои знаки внимания; наконец лица их прояснились, и все решили, что они успокоились.

Затем перешли в покои королевы, где в колыбели лежала принцесса. Обе феи и гений стали вокруг неё. Первым заговорил гений:

— Я одаряю её, — сказал он, глядя на принцессу, — всеми прелестями красоты. Но она не выйдет замуж, пока прежде совершения брака не окажет предназначенному ей супругу тысячу и одну милость; иначе миг её свадьбы станет последним мигом её жизни.

С этими словами он обратился в комету и исчез. Затем заговорила старая фея:

— Я одаряю принцессу всеми преимуществами ума; но каждое желание, которое возникнет у неё до шестнадцати лет, будет приносить ей несчастье всю оставшуюся жизнь.

В тот же миг в покоях появилось чудовище, устрашающе вооружённое. Фея уселась на него и так проехала через весь дворец.

Король и королева остались в глубоком унынии. Предсказание гения их сокрушало: условие, которым он обставил замужество принцессы, казалось непреодолимым препятствием, и после их смерти корона должна была перейти в чужие руки. Не меньше тревожило их и предсказание старой феи. Что может быть богаче желаниями, чем девушка? И всякое её желание должно было обернуться бедой: какая бездна несчастий впереди!

Утешая их, Зоримана обещала не оставлять их своей помощью.

— Моё искусство не в силах уничтожить действие этих предсказаний, — добавила она. — Я могу только его смягчить.

Она взяла принцессу на руки:

— Я одаряю тебя кротким и ровным нравом.

Затем она объяснила королю и королеве, как следует воспитывать дочь.

— С ранних лет приучайте её ничего не желать, даже самых безразличных вещей; пусть, если это возможно, все поступки её жизни совершаются не по собственной воле.

Она обняла их и возвратилась в один из своих дворцов.

Когда принцесса начала понимать происходящее, меня выбрали ей в воспитательницы. Фея часто сама приезжала учить меня, как с нею обращаться. Наконец, когда принцесса достигла вполне сознательного возраста, король открыл ей её судьбу. Фея позаботилась ободрить её обещанием менее страшного будущего, если до шестнадцати лет она будет вести себя так, как её учили. Чтобы ещё лучше приучить её к противодействию желаниям, фея подарила ей кольцо, которое она постоянно носила на себе. Вот каким удивительным свойством оно обладало. Стоило принцессе взглянуть на дворцовые сады и ощутить удовольствие от этого зрелища, как они тотчас превращались в ужасные пустыни. Если летним вечером она задумывалась о его красоте, луна вдруг бледнела, звёзды исчезали во тьме, воздух наполнялся вихрями и свистом. Так было со всем, что привлекало её внимание. Даже когда она на минуту смотрелась в зеркало, её черты представлялись ей столь блёклыми и неправильными, что самолюбие не находило в них утешения. Этому действию своей судьбы она подвергала себя реже всего.

А между тем нет никого прелестнее её. Каждое движение глаз трогает душу; у неё свежий цвет лица, дивно очерченный алый рот, стройный, гибкий стан, естественная и грациозная походка. Но вы сами её видели, — продолжала дама, — и должны понимать, как несовершенно моё описание. Несколько дней назад фея приехала предупредить короля и королеву о сегоднешней разлуке. Она обещала столь благоприятные её последствия, что они сперва согласились даже с некоторой радостью; но в самый миг расставания эта радость сменилась горькими слезами.

Воспитательница умолкла. Аманзарифдин поблагодарил её учтиво и не без изящества и вышел из дворца. Первая же дорога вывела его на обширную равнину.

Он погрузился в глубокую задумчивость, вспоминая всё, что видел и узнал; образ принцессы Зелоиды ни на мгновение его не покидал. Сколько очарования в плачущей красавице! Следы скорби на прекрасном лице нередко служат любви оружием более сильным, чем весёлый смех: сердце не может тогда отказать в сострадании, которое легко увлекает его к нежности. Аманзарифдин ощущал волнение, казавшееся ему сладостным. Несчастья принцессы напоминали ему обо всех её прелестях, а пленившие его прелести делали ещё чувствительнее к её несчастьям.

Эти размышления прервало открывшееся перед ним зрелище: великолепное здание, устроенное, впрочем, весьма необычно. Пятнадцать павильонов, непохожих один на другой, образовывали полукруг. Постройку окружал широкий ров; над воротами читалась надпись:

Спеши сюда, непостоянная юность:
Здесь обитает счастье.

Аманзарифдин пересёк просторный двор и вошёл в сводчатое преддверие, откуда попал в первый из пятнадцати павильонов. Там он нашёл множество дам совершенной красоты, встретивших его с самой лестной любезностью. Чтобы тронуть его сердце, они не жалели ни нежных взглядов, ни приятных речей и предлагали ему бесчисленные развлечения. В какой бы покой он ни входил, везде находил стол, уставленный изысканными кушаньями, и дамы угощали его с самым учтивым и обольстительным вниманием. Одни наливали в золотые чаши восхитительные вина; другие пели нежными, гармоничными голосами; танцами и играми они словно призывали его разделить выражаемые ими чувства. Но все эти старания оказались бессильны перед его сердцем. Воспоминание о принцессе Зелоиде было ему в тысячу раз дороже. Он уклонился от их забот и перешёл в соседний павильон.

Здесь были другие дамы, иными были их красота и наряды. Не менее соблазнительные, чем те, кого он только что покинул, они тоже старались удержать его тысячью ласк; но и на этот раз он сумел устоять. В каждом следующем павильоне его окружали всё новые дамы, одна прекраснее другой, искусно расточавшие ему самые пленительные любезности. Однако сердце его оставалось бесчувственным, и до четырнадцатого павильона ничто не могло поколебать его постоянства.

Там жила одна-единственная дама. Её черты сразу поразили его: в них было столько сходства с дорогой ему Зелоидой, что он не сумел отказать себе в удовольствии остаться рядом. Дама заметила его радость и смущение и выразила к нему самое благоприятное расположение. Он поддался обольщению и, не слишком доискиваясь, Зелоида ли перед ним, всецело отдался чувству, которое дама, по-видимому, к нему питала. Порою он упрекал себя за возникающую между ними связь, боясь, что это измена дорогой принцессе; но заблуждение казалось ему сладостным, и прояснить сомнение он решился лишь после того, как ответил на столь нежные её порывы.

Узнав, что перед ним не Зелоида, он тотчас опечалился, и печаль отразилась на его лице. Пылкая предупредительность сменилась крайней холодностью. Дама заметила это и стала его укорять.

— Сударыня, — отвечал он, — я должен говорить с вами откровенно. Если бы склонность повиновалась нашей воле, я любил бы вас сильнее и дольше всех на свете. Но я уже не властен над своим сердцем. Прелестная принцесса, которую я видел лишь мгновение и, быть может, не увижу больше никогда, стала его повелительницей. Я ощутил влечение к вам лишь потому, что меня обмануло сходство ваших черт с её чертами. Теперь я вижу, что мне суждено любить её вечно, раз даже вы не можете сделать меня неверным.

— Ваша участь меня трогает, — возразила дама. — Но вы уже не сможете вернуться в те павильоны, из которых вышли: входа туда вы больше не найдёте. А если перейдёте в соседний, вас ждёт самое горестное несчастье. Таковы здесь законы гения, царящего над сердцами. Смертный, вошедший в этот дворец, обречён на жестокие муки, если не сумеет привязаться к нему сердцем или хотя бы остаться в нём сам.

Предостережение не подействовало на Аманзарифдина. Он направился в следующий павильон. Едва он вступил туда, тот внезапно раскрылся, и юноша очутился у ворот города посреди равнины, которая со всех других сторон уходила за пределы взора. Оправившись от изумления, вызванного столь быстрым перемещением, он захотел войти в город. Но стоило ему нагнуться, чтобы пройти под покрывалом, натянутым поперёк ворот, как невидимая рука

завязала его вокруг головы и разом лишила его зрения. Тогда грозный голос отчётливо прозвучал:

Свобода — не преступление;
Законное это блаженство
Не стоит ни слёз, ни сожалений.
Но скоро любовь отомстит тому,
Кто хочет вкусить её милостей,
Не признавая её власти.

Аманзарифдин был так занят капюшоном, закрывшим ему глаза, что не расслышал прорицания. Он сделал сотню попыток сорвать роковую повязку; убедившись в их тщетности, пошёл наугад по городу. Через несколько шагов он услышал рядом чей-то голос и обратился к говорившему:

— Скажите, если можете, какие чары лишили меня здесь света? Что это за неведомое место, в котором я оказался?

— Разве вы не слышали прорицания при входе в город? — отвечали ему. — Здесь любовь карает смертных, которые вкушают её удовольствия, не нося её цепей.

— Не нося её цепей! — повторил Аманзарифдин. — Разве я заслужил наказание? Я люблю очаровательную принцессу, даже не надеясь когда-нибудь увидеть её вновь.

— Вы любите её? — возразил собеседник. — Ваша нежность к ней, надо полагать, хорошо проявилась во дворце, из которого вы вышли! Мне известно, как там себя ведут. Как и вы, я попал из того гибельного дворца в этот несчастный город. Все, чьи голоса здесь слышны, испытывают ту же участь. Когда вас одолеет сон или какая-нибудь иная нужда, вам достаточно некоторое время поискать оцепенения. Весь город состоит из галерей, где есть всё необходимое, чтобы продлевать такую жалкую жизнь, как наша. Впрочем, всех нас утешает луч надежды. В одном из мест этого города в воздухе висит стрела; она достаточно низко, чтобы до неё можно было дотронуться. Те из нас, кому посчастливится её найти, тотчас освобождаются от роковой повязки и переносятся в другое место.

Аманзарифдин поблагодарил ослеплённого жителя за эти сведения и решил искать драгоценную стрелу, пока не найдёт её или пока смерть не положит конец его мукам. Он шагал быстро, не зная куда. Наконец, после долгих бесплодных блужданий, он так утомился, что вынужден был искать отдыха. Нащупав стену галереи, он шёл вдоль неё, пока не нашёл открытую дверь. Войдя, он услышал несколько голосов; затем отыскал незанятую постель и бросился на неё. Через мгновение он почувствовал, что рядом кто-то прилёг.

— Пора предаться сну, — сказал этот человек.

— Как вы счастливы, что можете надеяться на отдых! — отвечал Аманзарифдин. — Мне же ужасное покрывало, отнявшее зрение, не даёт ни минуты покоя. О, если бы жестокий гений, мстящий нам, пожелал сделать миг, когда я лишился света, последним мигом моей жизни!

— Сразу видно, что вы здесь недавно, — сказал лежавший рядом. — Вы ещё испытываете первое отчаяние. Но предоставьте дело времени: когда долго бываешь несчастлив, горе чувствуется слабее.

— Утешительная надежда, нечего сказать, — отвечал Аманзарифдин.

— Есть и более приятная, — возразил старожил. — Посреди города стоит обелиск с удивительным свойством. Стоит на несколько мгновений прислониться к нему лбом, и в вас совершится такая перемена, что память о прошлом совершенно изгладится, а вместе с нею исчезнет и мысль о будущем.

— Нет, — сказал Аманзарифдин, — я не хочу следовать вашему совету. Хотя воспоминание о прошлом составляет почти весь ужас моего положения, я не могу решиться его утра-

тить. Как! Неужели я мог бы забыть прелестную принцессу, которую у меня на глазах отняли у отца и в чьих слезах было столько трогательной нежности? Я и желаю найти драгоценную стрелу, способную вырвать меня из этого гибельного места, лишь затем, чтобы искать по всему свету прекрасную Зелоиду. Но больше я её не увижу. Жестокая повязка на моих глазах навеки отнимает у меня счастье вновь увидеть её глаза.

— Не отдавайтесь так всецело своей беде, — сказал старожил. — Вместо бесполезного отчаяния постарайтесь сберечь силы и бодрость духа, чтобы каждый день искать освободительную стрелу. Её вполне можно найти. Не проходит мгновения, чтобы кто-нибудь из нас не освободился с её помощью; но, поскольку новые люди появляются здесь так же часто, город никогда не пустеет.

В этих словах Аманзарифдин нашёл луч надежды, немного смягчивший его скорбь.

— Как несправедлив гений, царящий над сердцами, в наказании, которому нас здесь подвергает! — сказал он. — Он ставит нам в вину, что мы вкусили его удовольствий, ненося его цепей: именно таково прорицание, произносимое при входе в это роковое пристанище. Но упрёк неоснователен. Чтобы познать радости любви, надо любить; возле красавицы, к которой мы равнодушны, нет ничего, что можно назвать удовольствием.

— Как вы заблуждаетесь! — возразил старожил. — Настоящие удовольствия дарит только человек, который любит нас, а нам безразличен. Ведь тогда их не омрачают ни ревность, ни страх разлуки, ни сама разлука, ни сотни досад, рождающихся из взаимной любви.

— Ах! — воскликнул Аманзарифдин. — Эти досады, которые вы считаете столь враждебными удовольствию, лишь делают его острее. Разлука мучительна, это правда; вдали от дорогого человека каждый миг печален. Но какая радость, какие сладостные порывы сменяют эти печальные минуты, когда вновь оказываешься рядом с тем, кого любишь! Ревность, конечно, причиняет безмерное страдание. Теряешь покой, перестаёшь любить прежние развлечения, ненавидишь даже самого себя. Но какое наслаждение испытываешь, когда мучившие подозрения оказываются напрасными и любимый человек — по-прежнему верным! Если несколько дней приходилось томиться, притворяясь холодным к возлюбленной, чтобы обмануть глаза мужа или матери, как сладостен потом миг, когда за вами наблюдает одна лишь нежная любовь! Сдерживаемые чувства становятся ещё горячее и искреннее. Поэтому можно сказать: разлука лишь готовит нам радости возвращения; ревность помогает лучше понять счастье быть любимым; страх делает нас влюблённее и пылче. Я покидаю вас, — прибавил он. — Усталость прошла, и я отправляюсь искать драгоценный залог нашей свободы.

Он вышел из галереи и до самого вечера без остановки бродил по городу. Всё, чего он касался, на мгновение казалось желанной стрелой; всё, что успевал обследовать, переставало ею быть.

Ночь уже далеко зашла, когда сон заставил его войти в первую галерею, которая попала ему под руку. Там он встретил двух товарищей по несчастью. Обратившись к одному из них, непрестанно испускавшему глубокие вздохи, Аманзарифдин попросил рассказать свои приключения. Другой житель присоединился к его просьбам:

— Муталиб, уступите нашему любопытству.

Тот согласился и начал так.

История Муталиба

— Я сын жителя Сурата. Отец отправил меня путешествовать ещё в ранней юности; мне было немного за двадцать, когда я пристал к острову близ Персидского залива. По мягкости воздуха и нравам обитателей это прекраснейшее место на свете. Там сумели примирить приличия с той приятной свободой, которая придаёт обществу очарование. Женщины весьма склонны к удовольствиям. С самого младенчества первое слово, которому их учат, — «любовь»; а достигнув возраста страстей, они прежде всего ощущают желание любить. Обычно они не отличаются красотой, зато почти всем присущи обольстительные грации, столь властные над сердцами и без которых сама красота почти бессильна. Для совершенства им недостаёт лишь немного постоянства: сердце их легко становится чувствительным, но недолго хранит чувство к одному и тому же человеку. Эта переменчивость почти всегда происходит от воспитания, которое матери дают дочерям. Мои приключения на острове убедят вас в этом.

Едва прибыв туда, я постарался узнать характер и вкусы местных жителей. Я заметил, что моде подчиняются даже лица. Порою самыми красивыми считались большие, широко раскрытые глаза; стоило вкусу перемениться, как приходилось либо шурить их, либо мириться с тем, что они вышли из моды. Мужчины повиновались этой изменчивости и в выражении лица, и в одежде. Развитой ум, верность суждения, добрый нрав — не таких качеств искали они в себе, чтобы нравиться прекрасному полу. Светские достоинства и таланты сводились у них к иному. Чтобы прослыть приятным человеком, надо было усвоить особый принятый здесь говор, довольно часто проявлять неуступчивость перед дамами, знать и разглашать мелкие происшествия, которые любовь вызывала в их кругу, участвовать в их играх и развлечениях, а главное — блистать расходами. Вот в чём заключалось совершенство.

Почти каждый вечер дамы собирались, каждая в своём обществе, приносить жертвы гению пиров. Чтобы быть допущенными к этим жертвоприношениям, кавалеры должны были отличаться необыкновенной весёлостью и петь гимны в честь этого гения и гения нежности. Дамы рассказывали о любовных приключениях своих подруг и тем лучше справлялись с такими рассказами, что почти каждой достаточно было говорить о самой себе, чтобы получился весьма выразительный портрет.

Однажды на таком празднестве я оказался рядом с молодой особой по имени Лизоина. Она обладала всеми прелестями юности, хотя черты её лица несколько не были привлекательны. Когда мать носила её под сердцем, ей приснился Борей, один из гениев, властвующих в воздухе. Он произвёл на неё столь сильное впечатление, что родившаяся Лизоина унаследовала полное сходство с ним.

Она была очень умна, воображение её отличалось живостью и изяществом; даже самым незначительным своим словам она умела придать ту прелесть, которую в них так редко находишь. Меня попросили пропеть что-нибудь в честь гения. Я воспел радость и удовольствия, которыми он наполнял всё вокруг, а также красоту собравшихся дам. Не забыл я похвалить ум и юность Лизоины. Ей это, по-видимому, понравилось; она уговорила меня каждый вечер приходить на те же жертвоприношения и сама являлась туда неизменно. Внимание её ко мне было достаточно заметно, чтобы его приметили все. Я, со своей стороны, не скупился на гимны гению и всякий раз вплетал в них что-нибудь лестное для неё. Поверив этим песням, она решила, что я влюблён, и призналась в довольно нежной склонности ко мне.

По её словам, сердце у неё было бесконечно чувствительное, неизменное и вечно занятое любимым человеком. Подобная нежность редко встречалась на острове. Я захотел узнать, способна ли к ней Лизоина, и стал внимательно следить за её поведением.

Через несколько дней я узнал, что на одном из празднеств, куда мне не удалось прийти, она блистала не меньше обычного и не раз бросала нежные взгляды на молодого островитя-

нина весьма привлекательной наружности. Она даже упрекала его за то, что он мало замечает её внимание. Такое поведение, казалось мне, плохо согласовалось с тонкостью чувств, которою она хвалилась. Больше всего меня пленяла в ней мысль, что сердце её умеет любить совершенно; но, едва я решил, что оно ничем не отличается от сердец других здешних дам, я рассудил: если уж терпеть непостоянство, лучше найти его у женщины покрасивее. Несколько дней я не видел Лизоины. Она очень нежно упрекнула меня за это, а оправдываясь перед моими жалобами, поклялась впредь быть столь постоянной и искренней, что я найду в ней всё, чего только может пожелать самый требовательный влюблённый.

И в самом деле, некоторое время она, казалось, была занята только мною. Каждый день писала пыльные письма, усердно искала случая увидеться. Я поверил бы в искренность её любви, если бы один случай не показал мне: нравиться ей ещё не значит быть ею любимым.

Раз в году некий гений овладевает жителями этого острова. Они впадают в своеобразное опьянение, которое делает их непохожими на самих себя; бегут на звуки множества инструментов; часто видят друг друга, не узнавая, и узнают, не видя. Там я заметил Лизоину, которую вовсе не ожидал встретить. Она таинственно беседовала с молодым человеком. Я подошёл, оставшись неузнанным. Она говорила ему очень нежные слова и порою целовала его руку, которую держала в своей; перед расставанием они обещали встретиться на следующий день.

Я открылся Лизоине.

— Не тревожьтесь, — сказал я. — Я рад, что стал вашим наперсником. Я слышал разговор и не собираюсь упрекать вас; больше не притязаю на ваше сердце, поскольку оно неспособно к тем чувствам и той тонкости, которыми столько раз хвалились ваши речи и письма.

— Как вы несправедливы! — отвечала она. — Вы обвиняете меня в непостоянстве именно тогда, когда я больше всего занята вами. Молодой человек, которого вы видели рядом со мной, — Арсен. Я знаю, что он ваш друг; не надеясь встретить здесь вас, я обрадовалась тому, кто мог бы о вас поговорить. Нежные речи, которые вы слышали, передавали ваши чувства ко мне: Арсен уверяет, что вы их питаете, ведь он заметил нашу близость. Вам не на что было бы жаловаться, если бы я любила вас не так нежно. Если бы беседа с Арсеном меньше привлекла моё внимание, она меньше задела бы вашу чувствительность. Так попросите у меня прощения за несправедливость.

— Как мне стыдно, — сказал я, — что я мог столь легкомысленно вас заподозрить! Во всяком случае, это в последний раз в моей жизни: теперь я знаю, насколько могу положиться на ваше сердце.

Мы расстались. С той минуты, увидев, как искусно Лизоина умеет притворяться, я перестал думать о её сердце и завёл другую связь. Впрочем, иногда я её видел: достоинства её ума вознаграждали меня за недостатки сердца. Наконец, спустя некоторое время, мы оба стали откровенны. Я возвратил ей письма, сообщив, что сердце моё больше ничего к ней не чувствует. Она известила меня, что её сердце по меньшей мере в том же состоянии; и мы прекратили общение без упреков и озлобления.

Но Лизоина была слишком искусна, чтобы не извлечь пользы из нашего разрыва. Надо было скрыть от матери его причину, иначе та могла бы впредь лишить её возможности принимать у себя поклонников.

— Вы, быть может, удивляетесь, — сказала она матери, — что больше не видите здесь Муталиба. Он довольно приятный собеседник; признаюсь даже, некоторое время он меня очень забавлял. Он уверял, будто влюблён в меня, и говорил об этом весьма остроумно. Но когда я увидела, что он хочет ещё и моей любви, я попросила его отказаться от своих притязаний и бывать у нас пореже.

Мать Лизоины, добрая и доверчивая женщина, легко дала себя убедить. Наивное признание дочери показалось

ей признаком такой строгой добродетели, что она пришла в восхищение. Встречаясь со мной, она держалась с насмешливым видом, и я прекрасно понимал, как дочь её обманула. Если бы я ещё любил Лизоину, возможно, я послал бы несколько её писем родным или даже самой матери. Но сердце моё не было задето, а когда не любишь, быть благоразумным очень легко.

С тех пор я продолжал странствия. Наконец я попал во дворец павильонов; приключения, пережитые там, привели меня, как и вас, в этот роковой город. Гений, который мне покровительствует, внушил мне надежду на скорое освобождение. Но чем ближе этот миг, тем нетерпеливее я его жду; и когда сон одолевает меня и мешает искать стрелу, которая должна меня избавить, я невольно предаюсь сожалениям и вздохам.

С этими словами Муталиб и Аманзарифдин опустились на свои постели и уснули.

Аманзарифдин вскоре проснулся. Услышав шум, он решил, что весь город уже пришёл в движение, встал и отправился бродить, как накануне. Едва он сделал несколько шагов, как что-то сильно ударило его в лоб. Он поднял руку, желая узнать, обо что наткнулся; к счастью, это была освободительная стрела.

Едва он взял её, как очутился во дворце, в котором искусство исчерпало всё своё величие. Повязка больше не закрывала его глаз. Какую бурную радость он испытал, вырвавшись из самого горестного положения на свете! Первым его побуждением было уйти из дворца: он боялся вновь встретить здесь повод оскорбить любовь. Но любопытство взяло верх. Сначала он прошёл под колоннадой, поддерживавшей четыре великолепно украшенных купола, затем вошёл в зал, где множество огней в точности воспроизводило дневной свет. На обширной сцене, расписанной руками фей, выступали актёры. Две дамы на софе составляли всю публику. Когда Аманзарифдин подошёл ближе, актриса, изображавшая Дидону, бросилась к ногам Энея и произнесла:

Так всё решено? Вопреки твоей клятве
Ты бросил Дидону, и смерть ей близка?
Неблагодарный! Чтоб покинуть меня
И бежать в другие края,
Ты тщетно ссылаешься на волю богов.
Не думай ослепить меня пустым обманом:
Нет, справедливые боги осудят клятвопреступника.
И даже если бы вправду в другие страны
Они повелели тебе направить свой путь,
Ты не мог задержаться у этих печальных берегов,
Не нарушив тотчас их священной воли.
А кто безнаказанно преступил их законы,
Тот посмеет нарушить их во второй раз.
Но вовсе не благоговенье пред богами тобою движет.
Когда бы ты ещё любил меня, твоё сердце,
Забыв предписанный ими приговор,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.